

СОЛЁНАЯ РАНА

Ольга ефимова

18+

Ольга Ефимова

Соленая рана

«Автор»

2026

Ефимова О.

Соленая рана / О. Ефимова — «Автор», 2026

Пять лет назад Илья Громов потерял всё. Его четырнадцатилетняя дочь Алиса утонула во время прогулки на катере. Официальная версия — шторм. Спившийся, сломленный, бывший водолаз-спасатель Балтийского флота осел смотрителем маяка в глухом посёлке Заветный. Он почти не пьёт, но спит с ножом под подушкой и каждое утро смотрит на море. Однажды отлив обнажает тело местного журналиста между скал «Волчьи зубы». Осмотрев труп, Громов замечает необъяснимые детали: уши жертвы залеплены техническим воском, под ногтями — волокна сети. Это не несчастный случай. В блокноте журналиста Громов находит список пропавших за десять лет. И среди них — имя его дочери. Алиса видела сброс тела, запомнила номер лодки, сказала отцу. Он не поверил. Теперь Громов знает: дочь убили. И он начинает собственное расследование. «Солёная рана» — это нуарный триллер о том, как один человек, вооружённый только памятью о дочери, разрывает круг молчания и приносит свет туда, где царит тьма.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Смотритель	6
Глава 2. Блокнот журналиста	11
Глава 3. Легенда отца	14
Глава 4. Грот якорей	18
Глава 5. Медальон	21
Глава 6. Список пропавших	25
Глава 7. Бухгалтерская книга	28
Глава 8. Шеф	31
Глава 9. Контейнеры	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Ефимова

Соленая рана

Пролог

Море не прощает. Оно только ждёт.

Илья Громов знал это ещё мальчишкой, когда отец впервые взял его в ночной выход на траулере. Тогда вода казалась чёрной смолой, а горизонт — щелью между небом и бездной. «Не смотри в глубину, — сказал отец, затягиваясь сигаркой. — Она смотрит в тебя». Илья не понял тогда. Понял позже — слишком поздно.

Теперь он сидел на крыше маяка в посёлке Заветный, сжимая в пальцах остывшую кружку. За окном выл норд-вест, срывая с гребней волн белую пену и швыряя её в стёкла. Стекло дрожало, но держалось — как и он сам. Два года здесь, два года вместо воды — только сухой воздух и вой сирены. Но море всё равно просачивалось сквозь стены. Оно было в запахе соли на подушке, в липкой сырости на бетонном полу, в том неутрачиваемом гуле, который не слышат туристы, но который сводит с ума каждого, кто остаётся здесь надолго.

Громов не спал третьи сутки. Не потому, что боялся — он уже ничего не боялся. Просто сны больше не приходили. Вместо них — пустота, в которой иногда всплывало лицо. Светлые волосы, разметавшиеся по воде. Рот, раскрытый в беззвучном крике. Он хотел дотянуться, но руки не слушались, будто привязанные к якорю.

Он перевёл взгляд на стопку бумаг, что лежала на столе. Жёлтые вырезки из местной газеты, распечатки метеосводок, копия старого протокола. Всё это пахло плесенью и ложью. Он знал: в том, что случилось пять лет назад, не было шторма. Был только номер на борту лодки — 07. Но тогда он не придавал этому значения. Сказал дочери: «Тебе показалось». Через неделю её катер перевернулся в штиль.

Громов провёл ладонью по лицу — щетина колола пальцы. Он посмотрел на нож под подушкой. Старый флотский «Кизляр», ржавый на изгибе, но всё ещё острый. Он взял его, повертел в руке, положил обратно. Не время. Ещё не время.

За стеной глухо ухнуло — это отлив сорвал с якоря чью-то лодку. Чайки забились в стае, их крик смешался с гулом воды. Громов встал, подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Там, внизу, между скал «Волчьи зубы», что-то темнело на обнажённом песке. То ли коряга, то ли тело.

Он не пошёл проверять. Завтра утром рыбаки всё равно найдут. Скажут: «Несчастный случай». Заполнят бумаги, забудут через неделю. Но Громов уже знал, что увидит, когда спустится. Уши, залепленные техническим воском. Под ногтями — синие волокна сети. И молчание, которое длится дольше, чем любой крик.

Море не прощает. Оно только ждёт, пока ты снова войдёшь в воду.

Громов зажжёт старый керосиновый фонарь, повесит его на крюк у двери и выйдет на ветер. Ступеньки лестницы скрипели под ногами, как суставы у старика. Внизу, у причала, плескалась вода — чёрная, маслянистая, пахнувшая железом и гнилью.

Он остановился, глядя на горизонт. Там, за линией прибоя, где обнажалось дно, прятались гроты. Громов знал о них из отцовских рассказов. «Там, — говорил отец, — дьяволы топят свои якоря». Илья тогда смеялся. Теперь он смотрел в ту сторону и чувствовал, как соль вьедается в старую рану, которая никогда не заживёт.

— Я вернусь, — сказал он в темноту. Не ветру, не морю. Той, кто ждала на дне пять лет.

Маяк мигнул один раз — коротко, предупреждающе. И погас, оставив его одного с тишиной, которая была громче любого шторма.

Глава 1. Смотритель

Сирена ворвалась в сознание как лезвие — резко, без предупреждения, раскалывая тягучую темноту на тысячи осколков. Илья Громов дернулся всем телом, рука автоматически метнулась под подушку, нащупала холодную сталь ножа, и только спустя две бесконечные секунды мозг распознал звук: не враг, не шторм, просто автоматика. Датчик уровня воды на южном пирсе. Опять сбой.

Громов сел на кровати, провел ладонью по лицу, сдирая остатки сна, которого почти не было. Часы на тумбочке показывали 4:47. Серый предрассветный свет сочился сквозь занавески, делая комнату похожей на аквариум с мутной водой. Он посидел неподвижно, прислушиваясь к гулу, который все еще бил в уши, хотя сирена уже стихла — автоматика отключилась через десять секунд, как и было, запрограммировано. Но эхо осталось, оно пульсировало где-то в затылке, смешиваясь с привычным шумом прибора.

Пять лет назад он просыпался от криков. Теперь — от железа.

Громов откинул одеяло, босыми ступнями ступил на холодный бетонный пол. Маяк не баловал комфортом: единственная комната на верхнем ярусе, кухонный уголок, стол, заваленный бумагами, и узкая койка у окна. Здесь не было ничего лишнего. Ни фотографий, ни сувениров, ни даже зеркала — он разбил его в первый же месяц, не выдержав взгляда собственных глаз, в которых плескалась та же пустота, что и в море за стеклом.

Он натянул старые джинсы, шерстяной свитер, который когда-то был темно-синим, а теперь выцвел до цвета мокрого асфальта. Накинул промасленную куртку и вышел в коридор. Лестница наверх, к прожекторной, узкая и крутая, пахла ржавчиной и машинным маслом. Каждый шаг отдавался в позвоночнике — старые травмы давали о себе знать, особенно в сырую погоду. Но он не жаловался. Жаловаться было некому и незачем.

Прожекторная встретила его привычным гулом генератора. Огромная линза в стальной оправе смотрела в серое небо, словно выпученный глаз циклопа. Громов проверил показания приборов: уровень топлива в норме, напряжение стабильно, автоматика включила сирену из-за скачка влажности — старый датчик глючил вторую неделю. Он записал показания в вахтенный журнал, корявым почерком вывел: «04:47 — ложное срабатывание. Датчик №3 под замену». Потом оторвал квиток и сунул в карман — надо будет передать снабженцу, когда тот приедет на следующей неделе.

Но внутри уже нарастало другое, не техническое, беспокойство. Оно всегда приходило с отливом. Громов подошел к восточному окну, протер запотевшее стекло рукавом. Море открылось перед ним во всей своей утренней неприглядности — свинцовое, тяжелое, с маслянистыми разводами пены у горизонта. Небо висело низко, почти касаясь воды, и казалось, что мир сжат между двумя серыми плитами, между которыми не осталось воздуха.

Внизу, у подножия скал «Волчьи зубы», вода отступила дальше обычного. Обнажилось дно — илистое, черное, усеянное камнями и обломками ракушек. Чайки уже кружили там, выискивая поживу, их крики прорезали утреннюю тишину как ножницы.

Громов перевел взгляд левее, туда, где вчера вечером, уже в сумерках, он заметил темный продолговатый предмет. Тогда он решил, что это выброшенное бревно или обломок рыбацкой сети. Но сейчас, при дневном свете, он увидел четче. И сердце пропустило удар.

Человеческое тело.

Оно лежало между двумя острыми скалами, в небольшой расщелине, куда намыло песок. Ноги неестественно вывернуты, одна рука откинута в сторону, словно жертва пыталась за что-то ухватиться. Громов вгляделся, напрягая зрение. Фигура была одета в темную куртку, джинсы. Лицо он не различал — слишком далеко, слишком много теней.

Он не пошевелился. Просто стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел. Внутри что-то щелкнуло — как будто старый замок, который давно не открывали, вдруг повернулся сам собой. Громов знал это чувство. Оно приходило перед погружением, когда вода смыкалась над головой и мир сужался до одного единственного решения: всплыть или умереть.

Он не пошел сразу. Вместо этого он закрыл глаза и позволил себе провалиться в прошлое — на пять лет назад, в другой день, когда море тоже было серым и тихим, но тогда он еще умел дышать.

Флешбэк: июль 2018 года, бассейн спортивного комплекса «Балтиец» в Калининграде. Алисе было четырнадцать, она только что сдала норматив на второй спортивный разряд по плаванию. Громов стоял у бортика, сжимая в руках полотенце, и наблюдал, как она выныривает из воды, откидывая мокрые волосы с лица. Она улыбалась — широко, по-детски, хотя уже начинала превращаться в девушку. Вода стекала по её плечам, блестела на загорелой коже.

— Пап, ты видел? Я на полсекунды быстрее, чем в прошлый раз!

— Видел, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё сжималось от гордости. — Молодец, Рыбка.

Она фыркнула и брызнула в него водой:

— Не называй меня Рыбкой. Я уже большая.

— Для меня ты всегда будешь маленькой.

Она закатила глаза, но улыбнулась. Потом подплыла к бортику, оперлась локтями о край и посмотрела на него серьёзно, почти по-взрослому:

— Пап, а как ты научился так долго не дышать? Ты же рассказывал, что на флоте вы тренировались по шесть минут.

Громов присел на корточки, оказавшись с ней на одном уровне.

— Это не про силу, Рыбка. Это про голову. Когда под водой, главное — не паниковать. Считать. Секунды, удары сердца, движение воды. Если начинаешь бояться, воздух кончается быстрее.

— А ты всегда считаешь?

— Всегда. — Он улыбнулся. — Даже сейчас, когда смотрю на тебя.

Она засмеялась, оттолкнулась от бортика и ушла под воду, оставляя за собой дорожку пузырьков. Громов смотрел на её тело, мелькающее под голубой гладью, и думал о том, что она станет отличным спасателем, может быть, даже лучше, чем он. У неё был талант — чувствовать воду, доверять ей, не бояться глубины. Он сам учил её этому, с раннего детства, и теперь видел, как его знания прорастают в ней.

Она вынырнула у дальнего бортика, помахала ему рукой. Солнце падало сквозь стеклянную крышу бассейна, и световые зайчики танцевали на её лице. В тот момент Громов подумал: «Я самый счастливый человек на свете». Он не знал тогда, что счастье измеряется не годами, а минутами до катастрофы.

Громов открыл глаза. В прожекторной было холодно, стекло под ладонью запотело. Он снова посмотрел на скалы — тело никуда не исчезло. Чайки уже опустились рядом, но не клевали, что было странно. Птицы обычно набрасываются на падаль в первые же часы. Они чего-то боялись.

Он тяжело вздохнул, отступил от окна и начал спускаться вниз. Ноги сами вели его по винтовой лестнице, руки машинально проверяли крепления перил. Выходя из маяка, он схватил с крюка старый флотский бинокль — ещё советский, с пожелтевшими линзами, но рабочий. За пояс заткнул нож, на всякий случай. Хотя какой там случай — он просто привык носить его с собой, как второй позвоночник.

Снаружи ветер ударил в лицо, влажный, соленый, с привкусом водорослей и гниющих мидий. Громов прищурился и направился по тропе, которая вилась вдоль обрыва к бухте.

Тропа была скользкой, осыпающейся — каждый шаг требовал осторожности. Он знал здесь каждый камень, каждую трещину, и всё равно два раза чуть не поскользнулся.

Когда он спустился ближе к воде, запах стал резче, почти удушающим. Отлив обнажил илистое дно, усеянное мелкими ракушками и обломками крабовых панцирей. В воздухе стоял густой, железистый аромат — запах крови, смешанный с тиной. Громов нахмурился. Так пахнет только свежее мясо.

Он подошёл к скалам «Волчьи зубы» метров на тридцать и поднял бинокль. Тело лежало в расщелине, почти в тени. Теперь он разглядел детали: мужчина лет сорока, возможно, чуть старше, одет в темно-синий пуховик и потёртые джинсы. Ботинки — чёрные, армейского образца. Лицо было повернуто в сторону, и Громов заметил странный беловатый налёт на виске, похожий на застывший парафин.

Он опустил бинокль и выругался сквозь зубы. Парафин. Или воск. Он видел такое только один раз в жизни — когда отец рассказывал про «морских дьяволов». Но это были сказки, страшилки для детей рыбаков. Или не сказки?

Громов перешагнул через лужу приливной воды, оставшуюся в ямке, и приблизился вплотную. Теперь он мог разглядеть лицо мертвеца — и узнал его. Егор Соболев, местный журналист, тот самый, который постоянно приставал к властям с вопросами о пропавших рыбаках. Громов встречал его пару раз в поселковом магазине — высокий, худой, с вечно взъерошенными волосами и острым взглядом за толстыми очками. Говорил быстро, глотая слова, всегда спешил куда-то.

Теперь он не спешил. Он лежал неподвижно, с открытыми глазами, в которых застыл последний вопрос.

Громов опустился на корточки, не касаясь тела. Пульс — не проверял, было очевидно, что жизнь ушла уже несколько часов. Одежда была влажной, но не насквозь — значит, он утонул не здесь. Его принесло приливом, а отлив оставил на этом месте. Тело не раздуто, пальцы сморщены, но не слишком — смерть наступила меньше суток назад.

Он перевел взгляд на уши. Оба были залеплены сероватой массой — она застыла неровными корками, закрывая слуховые проходы. Громов вытащил из кармана складной нож, открыл лезвие и осторожно ковырнул массу. Она крошилась, пахла химией и рыбой. Технический воск. Тот самый, которым герметизируют трюмы браконьерских судов. Им заливают уши, чтобы жертва не слышала, как опускают якорь.

Сердце Громова забилось быстрее, но дыхание осталось ровным — старая привычка водолаза. Он осмотрел руки мертвеца. Под ногтями — синеватые волокна, похожие на обрывки капроновой сети. Соболев боролся, пытался за что-то уцепиться. Громов представил, как это происходило: журналиста держат за руки, кто-то сильный и безжалостный заливает воск в уши, потом надевают груз и бросают за борт. И Егор идёт ко дну, не слыша даже собственного крика.

Громов выпрямился, убрал нож. Он не был криминалистом, но три года на Балтике научили его читать следы. Это не было несчастным случаем, не падением со скалы. Соболева убили.

Он оглянулся по сторонам. Посёлок спал — раннее утро, воскресенье. Рыбаки ещё не вышли в море, туристы не проснулись. Никто не видел его здесь. Он мог бы вызвать полицию, и участковый приехал бы через час, составил протокол, отправил тело в морг. Написали бы: «Несчастный случай, упал с утёса, ударился головой». Но он видел воск, видел волокна. Знал, что официальная версия будет ложью.

Он ещё раз посмотрел на лицо Егора, на остекленевшие глаза, которые, казалось, всё ещё его о чём-то спрашивали. И вдруг Громов вспомнил, что Соболев пару месяцев назад пытался с ним заговорить, когда они столкнулись у причала. Журналист протянул ему визитку и сказал: «Я знаю, что вы ищете, Громов. Если захотите правды — позвоните». Он тогда швырнул визитку в воду. Сейчас он жалел об этом — впервые за долгое время он почувствовал что-то

кроме тоски и пустоты. Ярость. Ту самую холодную, колючую ярость, которая поднимается со дна, когда ты понимаешь, что тебя обманули, что твоя жизнь была разрушена не случайностью, а чьим-то расчётом.

Он достал из кармана куртки старый флотский телефон — кнопочный, водонепроницаемый. Нажал несколько клавиш, сделал снимки тела, крупным планом: уши, руки, лицо. Потом спрятал телефон и отошёл на несколько шагов. Он не вызовет полицию. По крайней мере, не сейчас. Сначала он должен понять, что произошло, и, возможно, найти того, кто это сделал.

— Прости, Егор, — сказал он тихо, обращаясь к мертвецу. — Ты хотел правды. Теперь я займусь этим.

Громов развернулся и начал подниматься обратно к маяку. На полпути он остановился и посмотрел на море. Горизонт был пуст, только чайки кружили над скалами, их крики звучали как плач. Вода медленно начинала прибывать — прилив перекрывал чёрное дно, стирая следы преступления. Он знал, что через час тело уйдет под воду, и только он один будет знать, что здесь лежал человек, которого затопили с якорем.

Он вздохнул и пошёл дальше. Ноги стали тяжелее, будто к ним привязали груз. Но он нёс его с охотой. Наконец-то он снова был в деле. Наконец-то у него была цель, а не просто ежедневное выживание на краю земли.

Войдя в маяк, Громов скинул куртку и сел за стол. Он взял чистый лист бумаги и начал записывать всё, что видел: время, место, состояние тела, воск, волокна. Он делал это медленно, аккуратно, как учили на флоте — протоколы должны быть точными, без эмоций. Но эмоции рвались наружу, пульсировали в висках. Он сжал ручку и силой заставил себя дышать глубже, считать до десяти.

Когда он закончил, он отложил ручку и уставился в окно. Там, за стеклом, снова начинал накатывать прилив, и скалы постепенно исчезали в серой воде. Он думал о дочери. О том, что она тоже могла видеть что-то подобное. О том, что её катер перевернулся в штить, и он, дурак, поверил официальному заключению. Соболев знал. Соболев написал об этом в своём списке. И теперь он мёртв.

Громов закрыл глаза. В тишине он услышал голос Алисы, как тогда, в бассейне: «Пап, ты видел?» Он открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали мелкой дрожью.

— Видел, — сказал он в пустоту. — Теперь я всё вижу.

Он встал, подошёл к шкафу и вытащил старый водолазный костюм, который хранил со времён флота. Резина пахла плесенью и годами. Но она была цела. Как и он сам.

Громов повесил костюм на спинку стула и снова выглянул в окно. Прилив набирал силу, и только одна мысль билась в голове, глухая и навязчивая, как сигнал сирены: он вернётся на дно. Он нырнёт туда, где прячутся якоря с чёрными цепями. Он найдёт грот, о котором говорил отец. И он встретится лицом к лицу с теми, кто забрал у него всё.

Но сначала — он должен понять, кто они. И почему Соболев назвал Алису «последней свидетельницей».

Громов взял с полки блокнот Соболева, тот самый, который он стащил из дома журналиста несколько дней назад, ещё до того, как тот пропал. Он открыл его на закладке и начал читать, перелистывая пожелтевшие страницы. Список пропавших, даты, имена. И в самом конце, кривым почерком: «Громова Алиса, 14 лет. Видела номер лодки 07. Сказала отцу. Тот не поверил. Через неделю — шторм в штить. Нужно копать».

Громов медленно закрыл блокнот и положил его на стол. Его лицо было неподвижно, только мышцы на скулах слегка подрагивали. Он знал, что теперь не остановится. Даже если ему придётся задерживать дыхание дольше, чем он когда-либо мог, даже если он снова встретится с той же тьмой, что уже однажды сломала его.

Маяк за его спиной мигнул вхолостую, автоматика переключила режим. Свет скользнул по стенам, выхватывая из полумрака очертания водолазного костюма и ножа на столе.

Громов усмехнулся — впервые за два года. Усмешка была горькой, соленой, как вода, которая уже начала заполнять лёгкие.

— Рыбка, — прошептал он. — Держись. Папа идёт.

И он вышел из комнаты, оставив за спиной пустой маяк, который продолжал вращать свой прожектор по кругу, упрямо вглядываясь в море, словно тоже искал кого-то среди волн.

Глава 2. Блокнот журналиста

Он не стал ждать утра. Утро уже наступило, но свет за окнами остался серым, будто небо затянуло ватой, пропитанной свинцом. Громов перелистал блокнот Соболева ещё раз, от корки до корки, запоминая каждое имя, каждую дату, каждую кривую закорючку на полях. Журналист писал торопливо, словно боялся не успеть, — буквы то сжимались до булабочных головок, то расплзались в нечитаемые каракули. Но Громов уже привык разбирать почерк флотских рапортов, и это не было для него проблемой.

Список насчитывал тринадцать имён. Не считая, Алисы. Она стояла последней, но не по времени — Соболев вписал её карандашом, поверх уже готового текста, будто нашёл эту информацию позже и решил добавить без лишнего шума. Рядом с каждым именем стоял год исчезновения, род занятий, и короткая пометка: «свидетель», «стукач», «случайный». Громов провёл пальцем по строчке «Алиса Громова, 14 лет, случайный свидетель». Отметка «случайный» была обведена дважды, и поверх неё красовался жирный вопросительный знак.

Громов захлопнул блокнот, сунул его во внутренний карман куртки и направился к выходу. Он знал, куда идёт. Дом Соболева стоял на отшибе, у самого леса, в полукилометре от маяка. Журналист жил один, если не считать старой суки Лаймы — полуслепой, но злой овчарки, которая облаивала каждого прохожего. Громов пару раз проходил мимо и слышал её хриплый лай из-за забора.

Он шёл вдоль берега, стараясь держаться подальше от тропы, где могли встретиться ранние рыбаки. Ветер стих, но влажность осталась той же — липкой, тяжёлой, оседающей на лице как тонкая плёнка. Чайки больше не кричали — они расселись на скалах и молчали, словно ждали чего-то. Или кого-то.

Дом Соболева показался из-за поворота — двухэтажная деревянная постройка с облупившейся синей краской, наполовину скрытая зарослями шиповника. Ставни закрыты, дымоход не дымит. Овчарка лежала у калитки, положив морду на лапы. Увидев Громова, она подняла голову и тихо заскулила — без злобы, скорее с недоумением.

Громов подошёл к калитке, присел на корточки. Пёс был стар, седина вокруг глаз, шерсть свалилась колтунами.

— Тихо, Лайма, — сказал он негромко. — Я не враг.

Овчарка лизнула его руку и снова уткнулась носом в землю. Она была истощена — рёбра проступали сквозь шкуру. Громов вытащил из кармана кусок сухаря, который всегда носил с собой, и положил перед собакой. Та съела, не жуя.

Он толкнул калитку — та скрипнула, но не была заперта. Замок на входной двери тоже оказался сломанным: кто-то побывал здесь до него. Громов нахмурился, достал нож, толкнул дверь плечом и вошёл в сени. В нос ударил запах сырости и старой бумаги — здесь пахло архивом, протекающей крышей и запустением.

Внутри было темно, но глаза быстро привыкли. Громов прошёл в гостиную, служившую одновременно кабинетом и спальней. Вдоль стен громоздились стеллажи с папками, газетами, картотеками. На столе — компьютер с выключенным монитором, чашка с окаменевшим кофе, пепельница, полная окурков. И повсюду — листы бумаги, разбросанные, как осенние листья. Громов начал перебирать их, стараясь не нарушать порядок, но понял, что порядка нет. Соболев работал в хаосе.

На одном из листов он нашёл фотографию, приклеенную к отчёту. Чёрно-белая, нечёткая, видимо, сделанная с большого расстояния. На ней была лодка — старый баркас с номером «07», который был почти неразличим из-за грязи. Громов перевернул снимок: на обороте почерком Соболева выведено: «Баркас Николая Сергеевича, район Волчьих зубов, сентябрь 2017». За три года до гибели Алисы.

Громов аккуратно сложил фото в карман, рядом с блокнотом. Затем он открыл ящик письменного стола. Там лежали старые паспорта, удостоверения, несколько флешек. Он забрал флешки — возможно, там были файлы, которые Соболев не успел распечатать.

Вдруг за спиной скрипнула половица. Громов мгновенно обернулся, выхватывая нож. В дверях стоял участковый, лейтенант Соловьёв, молодой парень с красным лицом и вечно вспотевшим лбом. Он смотрел на Громова с удивлением, смешанным с подозрением.

— Громов? Ты что здесь делаешь? — спросил участковый, переводя взгляд на нож в руке. — Спрячь это, ради бога.

— Дверь была открыта, — спокойно ответил Громов, убирая нож. — Я зашёл проверить, не случилось ли чего. Соболев не появлялся пару дней.

Участковый зашёл в комнату, оглядел беспорядок. — Ты знаешь, что он пропал? Я вчера заявление принял от его соседки. Думал, может, уехал в город по делам. Но вещи на месте, машина у ворот.

— Он не уехал, — сказал Громов. — Я видел его сегодня утром. На скалах.

Соловьёв замер, его глаза расширились. — Что значит — видел? Он жив?

Громов покачал головой. — Мёртв. Тело в расщелине между Волчьими зубами. Прилив уже накрыл, но я успел его осмотреть. Несчастный случай, как ты думаешь?

Участковый побледнел, провёл рукой по лицу. — Чёрт. Надо вызывать начальство, экспертов... ты ничего не трогал?

— Нет, — соврал Громов. Он не упомянул ни про воск, ни про сеть, ни про фотографию. — Я только сходил посмотреть, убедиться, что это он. Думал, может, спит пьяный.

Соловьёв подошёл к столу, мельком глянул на разбросанные бумаги. — Ладно, я свяжусь с районом. А ты давай-ка выйди, не мешай следствию. И не распространяйся в посёлке, хорошо? Пока не разберёмся.

Громов кивнул, сделал шаг к выходу, но задержался в дверях. — Соловьёв, а ты знаешь, что Соболев расследовал пропажи рыбаков?

Участковый нахмурился. — Все знают. Он был одержим этим, писал статьи в местную газету. Но мы проверяли — несчастные случаи, бытовуха, никто никого не убивал. Вода — она своё берёт.

— Вода не залепляет уши воском, — тихо сказал Громов и вышел, не дожидаясь реакции.

Соловьёв не окликнул его. Громов чувствовал взгляд участкового в спину, но не обернулся. Он знал: теперь полиция возьмётся за дело, но они будут смотреть только на поверхность, как всегда. Его путь лежал глубже — туда, где свет не проникает и где правда лежит на дне вместе с якорями.

Он вернулся на маяк, закрыл дверь на засов и сел за стол. Открыл ноутбук, вставил одну из флешек, загрузил файлы. Там были отсканированные документы, фотографии, аудио-записи, текстовые файлы, помеченные «Последнее дело». Громов открыл первый файл — это был дневник Соболева, написанный в эсэмэс-стиле, короткими фразами.

«15.09.2020. Нашёл старого рыбака, который работал на деда Колю. Сказал, что тот выходит в море по ночам, даже когда шторм. У него нет сети, только старые якоря. Зачем?»

«02.11.2020. Дед Коля инвалид, но я видел, как он тащит бочку с соляжкой к причалу. Одна рука, а сила — как у быка. Ничего не понимаю.»

«14.03.2021. Алиса Громова. Нашёл фотографию в архиве — она стояла у причала, когда баркас "07" возвращался ночью. На носу — бурая полоса. Может, кровь? Зачем девочка там была?»

«01.06.2021. Сказал Громову. Он не слушал. Посмотрел сквозь меня и ушёл. Тогда я понял — он сломлен. Но если я докопаюсь, он должен знать правду.»

Дальше шли выкладки, координаты, записи о браконьерских схемах. Громов читал и чувствовал, как холод поднимается из живота в грудь. Всё сходилось: дед Коля, староста посёлка,

седой старик на коляске, который каждое воскресенье сидел в церкви и ставил свечи за упокой. Он был тем, кого отец называл «морским дьяволом». Он убивал свидетелей, топили их в гротах, привязывая к старым якорям. И Алиса стала одной из них.

Громов сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Слез не было — они высохли за эти пять лет. Но внутри закипала ярость, такая же солёная и холодная, как вода, что заливала лёгкие утопленников.

Он не собирался ждать полицию. Он вообще не собирался никому ничего доказывать. Он просто выйдет на охоту, как в старые времена, когда вёл подводные операции в чужой гавани. Только теперь враг был не в форме, а в инвалидной коляске, и он жил через три дома от маяка.

Громов встал, подошёл к окну. За стеклом по-прежнему было серо и хмуро. Он видел крышу дома деда Коли — плоскую, шиферную, с антенной-тарелкой. Из трубы шёл дым — старик топил печь. Всё как обычно.

Но Громов знал, что этой ночью он спустится в воду, и дым превратится в адское пламя. Он взял водолазный костюм и начал проверять снаряжение, двигаясь неторопливо и методично, как учили на флоте. Впереди было много работы. И много тишины.

Он снова открыл блокнот Соболева и перечитал последнюю запись: «Если со мной что-то случится — ищите грот под "Волчьими зубами". Там их кладбище. Я видел снимки со спутника. Там якоря, много якорей. И кости.»

Громов закрыл блокнот, положил его в сейф, который сам смастерил из старой металлической тумбы. Затем взял телефон и набрал номер — старый флотский, который никогда не подводил.

— Громов? Ты? — голос на том конце был хриплым, удивлённым.

— Здравствуй, капитан. Мне нужна помощь. Без вопросов. Просто жди сигнала.

— Я всегда жду, Илья. Что случилось?

Громов коротко объяснил задачу — нужно отследить частоту старого гидролокатора и сбросить координаты, когда он подаст сигнал.

— Ты опять в воду? — спросил капитан.

— На этот раз — до дна.

Он положил трубку и посмотрел на море. Ночь приближалась, и в темнеющих волнах ему почудился силуэт дочери. Она махала рукой, звала за собой. Он уже не боялся ни глубины, ни тишины. Он боялся только одного — не успеть.

Громов надел гидрокостюм и вышел на крыльцо. Ветер ударил в лицо, но он не отвёл взгляда от линии горизонта. Там, далеко-далеко, виднелись очертания скал. И где-то между ними зиял чёрный вход в грот — тот самый, что отец называл горлом дьявола.

— Держись, Рыбка, — прошептал он и шагнул в темноту.

Глава 3. Легенда отца

Гидрокостюм пах резиной и временем. Тяжёлый, потрескавшийся на сгибах, но ещё держащий воду — старый флотский «ВМ-5», который Громов прихватил при увольнении, когда собирал вещи в казарме, уже ни на что не надеясь. Тогда он думал: «Пригодится для ловли крабов». Иронично. Теперь он надевал его для охоты на человека, который был старше и, возможно, хитрее его самого.

Он вышел на крыльцо и замер. Ветер стих, но воздух остался влажным и холодным, пропитанным запахом водорослей и стоячей воды. Громов посмотрел на часы — половина десятого утра. Посёлок уже проснулся, но на улицах было пустынно: воскресенье, люди отсыпались после субботней рыбалки. Идеальное время для разведки.

Он не пошёл в воду сразу. Сначала нужно было проверить дом деда Коли. Слишком много совпадений сходилось в одну точку, и Громов хотел увидеть старосту своими глазами, понять, как этот человек — инвалид, прикованный к коляске уже десять лет, — мог выходить в море и топить людей.

Он спустился по тропе к посёлку, стараясь держаться теней. Маяк возвышался за спиной, его белый корпус казался призрачным в утреннем тумане. Громов шёл быстро, бесшумно — навыки, которые он приобрёл ещё на флоте, не забылись. Он обходил открытые участки, прятался за заборами, пережидал, когда мимо проезжал велосипедист или выходила женщина с ведром.

Дом деда Коли стоял на берегу, почти у самой воды — старый, но крепкий, с железной крышей и высоким забором из профнастила. Громов приблизился со стороны леса, присел за кустами шиповника и стал наблюдать.

Двор был чистым, подметённым. У крыльца стояла деревянная коляска — самодельная, на широких колёсах, с обшарпанными подлокотниками. Рядом с ней — ведро с водой и тряпка. Дед Коля явно заботился о своём транспорте. Но самого старика не было видно. Дым из трубы шёл ровно, без перебоев — значит, кто-то топил печь.

Громов вытащил бинокль и навёл резкость. На веранде висела рыбацкая сеть, сушилась, но она была мелкой, ставной — для любительской ловли. А где же та, из грубых волокон, образцы которой он нашёл под ногтями Соболева? Громов перевёл бинокль на сарай, стоящий в глубине двора. Дверь сарая была приоткрыта, и внутри он заметил тёмные очертания — похоже на бочки, верёвки, и что-то металлическое, поблёскивающее в полумраке. Он не мог разглядеть детали, но нутром чувствовал: там хранится что-то важное.

Он уже собирался подойти ближе, как вдруг калитка скрипнула, и из дома вышел человек. Громов замер. Это был не дед Коля. Мужчина лет тридцати пяти, коренастый, с короткой стрижкой и бычьей шеей. Он нёс в руках ящик с инструментами, вытащил из кармана ключ и запер сарай на висячий замок. Потом оглянулся по сторонам, прищурился в сторону кустов, где сидел Громов. Тот пригнулся, затаив дыхание. Мужчина постоял, пожал плечами и пошёл обратно в дом, хлопнув дверью.

Громов выдохнул. Он узнал этого человека — Тихон, местный рыбак, которого все считали немым от рождения. Громов видел его в порту пару раз: Тихон никогда не говорил, только мычал и показывал жестами. Но сейчас он вёл себя как охранник, как телохранитель. И у него были ключи от сарая.

Громов отполз назад, в гущу леса, и, только оказавшись в тени деревьев, позволил себе сесть на землю и обдумать увиденное. Дед Коля не просто инвалид. У него есть помощник, который, возможно, делает всю грязную работу на берегу. Но кто же тогда выходит в море? Сам дед? Или Тихон? Или оба?

Он вспомнил слова отца: «Морские дьяволы не ходят по суше. Они живут в воде, их дом — гроты. Они выходят только по ночам, когда луна спрятана». Громов тогда смеялся. Теперь он не смеялся. Он достал блокнот Соболева и перечитал запись о деде: «Инвалид, но сила — как у быка». Соболев тоже сомневался.

Громов встал, отряхнул колени и направился в обход, к южной оконечности посёлка, где заканчивалась дорога и начинались скалы. Он хотел увидеть грот со стороны воды, оценить, насколько реален план погружения. К тому же у него была ещё одна цель: найти возможный вход в пещеру, о которой писал Соболев.

Он шёл по камням, балансируя на осыпях, когда неожиданно наткнулся на старую лодку, наполовину занесённую песком. Она была разбита, корпус пробит, но на корме ещё сохранился обрывок номера — «0...» вторая цифра стёрлась. Громов присмотрелся — это могла быть та самая лодка, которая фигурировала в деле Алисы. Катер, перевернувшийся в штиль. Он присел на корточки и провёл рукой по обшивке. Дерево было старым, гнилым, но на днище он заметил странные отметины — глубокие царапины, будто кто-то специально пробивал корпус снаружи. Не удар о скалу, нет — это были следы от монтировки или лома.

Громов сфотографировал царапины на телефон. Фактов становилось всё больше, и каждый из них вёл к одному выводу: Алиса не могла утонуть случайно. Её катер был умышленно потоплен. Её убили, как убили Соболева, как убили остальных.

Он поднялся и пошёл дальше, пока не оказался у самой воды. Здесь скалы обрывались отвесно вниз, образуя естественную стену. Внизу плескалась вода — тёмная, почти чёрная, с зеленоватым отливом. Громов прилёг на живот, свесил голову вниз и пригляделся. В десяти метрах под ним зиял вход в пещеру — узкий, почти незаметный, если не знать, куда смотреть. Он был скрыт нависающим выступом скалы, и заметить его с лодки было невозможно. Но с берега, если знать координаты, — открывался.

Громов достал блокнот, сверил координаты, которые оставил Соболев. Они совпадали. Это был вход в грот.

Он отполз назад, сел на камень и закрыл глаза. В голове проносились обрывки воспоминаний: вот он держит Алису на руках в день её рождения, вот она учится плавать, вот она смеётся, обрызгивая его в бассейне. А вот — последний день, когда она вернулась с прогулки и сказала ему: «Пап, я видела странную лодку у скал. Там был номер 07, и на борту что-то красное. Как краска или... кровь». Он тогда отмахнулся. Сказал: «Тебе показалось, Рыбка. Не выдумывай». Она надулась и ушла в свою комнату. Через неделю её не стало.

Громов открыл глаза. В них больше не было боли — только сталь. Он не мог изменить прошлое, но мог сделать так, чтобы никто больше не пострадал. И чтобы правда, наконец, всплыла на поверхность, даже если для этого придётся перевернуть всё дно.

Он вернулся на маяк, закрылся изнутри и начал готовиться к ночному погружению. Гидрокостюм был надет, баллоны — наполовину полные, но для разведки должно хватить. Он проверил фонарь, нож, сигнальный буй. Взял с собой герметичный пакет для улики. И на всякий случай — старый пистолет «Макаров», который он когда-то выменял у контрабандиста за ящик сигарет. Он никогда им не пользовался, но теперь, когда в деле замешан убийца, лишняя осторожность не помешала бы.

Он сел за стол, открыл ноутбук и перечитал последнее сообщение от капитана: «Готов. Жду сигнала. Береги себя». Громов коротко ответил: «Буду в воде в 23:00. Координаты пришлю с буя». И выключил телефон.

Остаток дня он провёл в напряжении. Несколько раз он выходил на крыльцо, смотрел на дом деда Коли, но там было тихо. Один раз он увидел, как Тихон вывел из сарая тележку с чем-то тяжёлым и покатыл её к причалу. Громов наблюдал в бинокль, но не мог разглядеть, что именно везут. Когда тележка скрылась за углом, он понял: это может быть якорь. Новый якорь для следующей жертвы.

Он вернулся в комнату и сел на койку, глядя в стену. В голове пульсировала одна мысль: «Дед Коля готовится к новой жертве. Кто следующий?»

Ответ пришёл не сразу. Он вспомнил, что накануне в церкви пропал отец Павел. Священник, который каждое воскресенье служил обедню в старой часовне. Громов не был там ни разу за два года, но знал, что отец Павел интересовался делами прихода и часто общался с Соболевым. Может быть, он тоже что-то знал?

Громов встал. Время было около шести вечера. До ночного погружения оставалось пять часов. Он мог бы сходить в часовню, осмотреть дом священника, пока есть свет. Он не знал, зачем, но ноги сами понесли его.

Он вышел из маяка, надел обычную куртку, прихватил фонарик и направился к старой дороге, ведущей в лес. Часовня стояла в полукилометре, у самого обрыва, над морем. Это было маленькое белое здание с синим куполом, когда-то ухоженное, а теперь — обветшалое и пустующее. Но каждое воскресенье отец Павел открывал двери, и несколько старушек приходили помолиться.

Громов подошёл к часовне. Дверь была приоткрыта. Он толкнул её, и она со скрипом открылась. Внутри пахло ладаном и сыростью. Свечи погасли, алтарь был пуст. Громов прошёл в алтарную часть и заметил на полу странное пятно — тёмное, бурое. Он нагнулся, потрогал пальцем. Кровь. Ещё свежая, не до конца застывшая.

Он огляделся. У стены лежала Библия, раскрытая на главе о Потопе. Рядом — огарок свечи и пузырёк с жидкостью. Громов поднял пузырёк, понюхал. Воск. Технический воск, тот же, что был в ушах у Соболева.

Он выпрямился. Отец Павел тоже стал жертвой. И его тело, вероятно, уже лежит в гроте на якоре. Или будет лежать после сегодняшнего отлива.

Громов вышел из часовни, прикрыл дверь. В голове выстроилась цепочка: Соболев нашёл список, пошёл к деду, погиб. Отец Павел узнал что-то от Соболева, тоже погиб. Теперь только Громов остался, кто знает правду. И дед Коля уже понял, что кто-то копает под него. Возможно, он уже знает, что Громов был на месте тела. Возможно, он уже следит за ним.

Громов оглянулся по сторонам. Лес молчал, только ветер шевелил верхушки сосен. Но ему показалось, что в чаще кто-то стоит и смотрит. Он прищурился, но ничего не увидел. Обычная игра нервов.

Он быстро вернулся на маяк, заперся и принялся собирать снаряжение. Времени оставалось всё меньше, а вопросов становилось всё больше. Но одно было ясно: он должен спуститься в грот этой ночью. Иначе все улики исчезнут под водой, как исчезали каждый раз.

Он проверил баллоны, нажал на клапан — воздух шипел, давление в норме. Надел ласты, прикрепил фонарь к запястью, нож — к ноге. Пистолет положил в гермокарман. Всё было готово.

Он постоял у окна, глядя на море. Солнце уже садилось, окрашивая горизонт в кроваво-красный цвет. Завтра начнётся новый день. Но сегодня ночью всё решится.

Громов взял в руки нож, поцеловал холодное лезвие — старая флотская традиция, которую он соблюдал перед каждым опасным выходом. Затем он прошептал в тишину:

— Прости меня, Рыбка. Я должен был поверить тебе тогда. Я не поверил. Но теперь я поверю всему, что найду там, на дне. И я вернусь. Обещаю.

Он шагнул в тень, вышел на крыльцо и направился к обрыву. Вода внизу казалась чёрной, как нефть. Он не видел дна, но знал, что под ним скрывается целый мир — мир, полный якорей и молчащих свидетелей.

Громов нырнул без всплеска, растворившись в воде, как призрак. Холод обжёг лицо, но он не остановился. Он плыл вниз, в темноту, считая секунды, как учил когда-то свою дочь.

Семь, восемь, девять... Впереди замаячил вход в грот — чёрный, зияющий, как открытая пасть.

Двадцать три, двадцать четыре...

Он вошёл в него, и тьма сомкнулась за спиной, отрезая путь назад.

Глава 4. Грот якорей

Холод вошел в него не через кожу — через легкие. Громов сделал глубокий вдох из баллона, и воздух показался теплым по сравнению с водой, которая сдавила тело со всех сторон. Он задержался на мгновение у входа в грот, привыкая к темноте. Фонарь на запястье вырезал из мрака узкий конус света, в котором плясали взвешенные частицы ила и микроскопические водоросли. Стены пещеры уходили вниз, в черноту, и свет не доставал до дна.

Громов включил второй фонарь, закрепленный на голове, и двинулся вперед, осторожно работая ластами. Он знал, что в любой момент может наткнуться на что-то твердое и острое, поэтому держал руки перед собой, ощупывая пространство. Пальцы натыкались на скользкие камни, покрытые водорослями, на острые выступы, на холодный металл.

Металл. Он почувствовал его раньше, чем увидел: левая рука наткнулась на ржавую цепь, натянутую между двумя скальными выступами. Громов подтянулся, направил свет вниз. Цепь уходила в глубину, и на ее конце висел якорь — старый, массивный, со следами красной краски. А рядом с якорем — человеческий скелет.

Громов замер, считая удары сердца. Он видел останки и раньше — на флоте, при подъеме затонувших судов. Но то были случайности, шторма, война. Здесь было иначе. Скелет был привязан к якорю проволокой, продетой сквозь ребра. Череп был запрокинут, в глазницах — пустота, но Громов заметил сероватые корки в ушных отверстиях. Воск. Технический воск.

Он медленно проплыл дальше, подсвечивая дно. И увидел второй якорь, третий, четвертый. Целое кладбище, уходящее вглубь грота, как ряды каменных надгробий. Каждый якорь держал свой скелет, и у каждого черепа были залиты уши. Громов начал считать, но сбился после десятого. Тринадцать, как в списке Соболева? Или больше? Скелеты лежали в разном состоянии — некоторые почти целые, с остатками одежды, другие — только кости, обглоданные временем и крабами.

Он подплыл к одному из тел, более свежему — на костях еще держались лохмотья темной ткани. Громов перевернул череп фонарем, и в свете блеснул нательный крест. Священник. Отец Павел. Его убили, вероятно, вчера или позавчера. Громов заметил, что проволока туго стянута вокруг грудной клетки, и на ребрах — следы крови, еще не смытые водой. Значит, якорь опустили недавно, в этом приливе.

Громов оттолкнулся от дна и поднялся выше, к своду грота. Ему нужно было найти что-то, что подтвердило бы присутствие Алисы. Он знал, что если она была здесь, то ее останки должны быть среди этих якорей. Или, возможно, дед Коля утопил ее в другом месте. Но Соболев писал, что девочка видела сброс тела, значит, она могла быть свидетелем, а не жертвой? Нет, Соболев утверждал, что она погибла. Громов искал доказательство.

Он продвигался глубже, туда, где грот сужался, и свет фонаря терялся в тумане поднятой мути. Внезапно его колено задело что-то твердое, и он опустил глаза. Маленький металлический предмет, прикрепленный к цепи. Громов поднял его, отчистил от ила. Медальон. Серебряный, с гравировкой в виде рыбки. Внутри — выцветшая фотография девочки Алисы.

Громов замер, и вода вокруг него, казалось, перестала двигаться. Он держал медальон, который дарил ей на двенадцатый день рождения. Она никогда не снимала его. Он сам купил его в ювелирной лавке в Калининграде, выбрал с рыбкой, потому что она была его маленькой Рыбкой. Медальон был теплым от его пальцев, хотя должен быть ледяным. Он прижал его к груди, через гидрокостюм, чувствуя, как ком подступает к горлу.

Он не заплакал. Слез не было. Вместо них — ледяная ярость, которая разлилась по венам, заставила его сжать кулаки так, что ногти впились в резину перчаток. Он снова посмотрел на медальон, на цепочку, которая была оборвана, словно ее резко дернули. Алиса сопротивлялась. Она билась, пыталась спастись, и в последний момент кто-то сорвал медальон с ее шеи. Воз-

можно, она сама сорвала его и спрятала, чтобы оставить улику. Или это сделал убийца, чтобы не было опознания.

Громов аккуратно положил медальон в герметичный пакет и застегнул его. Теперь у него было достаточно доказательств — фотографии, блокнот Соболева, воск, сеть и этот медальон. Он мог бы всплыть, вызвать полицию, предъявить улики. Но он знал: пока он плывет к берегу, дед Коля и Тихон могут уничтожить всё. Нужно действовать быстро.

Он двинулся к выходу из грота, но вдруг заметил, что свет его фонаря отразился от чего-то блестящего на дне, прямо под ним. Он опустил, разгреб слой ила и песка. Там лежал старый ржавый гарпун с острым наконечником, на котором запеклась темная субстанция — засохшая кровь. Громов поднял его, осмотрел. Гарпун был не рыбацким, а самодельным, с рукояткой, обмотанной изолентой. На рукоятке были выцарапаны буквы «К.С.» — Коля Сергеевич. Дед Коля собственноручно охотился на своих жертв.

Громов положил гарпун в другой пакет и поплыл к выходу. Вода в гроте начала темнеть, и он понял, что прилив набирает силу. Еще час — и вход в пещеру будет полностью затоплен, и выбраться можно будет только через узкий колодец, который он заметил на плане Соболева. Он ускорился, работая руками и ластами.

Но когда он почти достиг выхода, свет фонаря выхватил из темноты силуэт — человека в гидрокостюме, стоящего у входа и держащего в руках другой гарпун. Громов затормозил, поднял руки в жесте примирения, но человек не двигался. Он был неподвижен, как статуя, и только его дыхание пузырилось в маске.

Громов узнал фигуру по комплекции. Тихон. Немой помощник деда. Он стоял, перекрывая проход, и, судя по всему, ждал Громова.

Громов потянулся к ножу на ноге, но Тихон оказался быстрее — он выпустил гарпун, и тот просвистел в воде, чиркнув по плечу Громова, оставив глубокую царапину на гидрокостюме, но, не пробив его. Громов отпрянул, рванул в сторону, вглубь грота, уходя от нового выстрела. Тихон бросился за ним, но в узком проходе маневрировать было трудно. Громов нырнул в один из боковых рукавов пещеры, который он заметил раньше. Он плыл быстро, надеясь оторваться, но слышал за спиной шум воды и тяжелое дыхание преследователя.

Грот разветвлялся, и Громов свернул влево, в узкую трещину, где мог протиснуться только один человек. Он застрял на мгновение, но продавил себя вперед, услышав, как гарпун ударился о скалу сзади. Он проплыл еще несколько метров и оказался в небольшой камере, где вода доходила ему до пояса, а над головой виднелся кусочек неба — естественный колодец, ведущий наверх. Тот самый колодец, который отметил Соболев.

Громов отключил фонари, чтобы не выдавать себя. Он забился в угол, затаив дыхание, прислушиваясь. Тихон не вошел следом — возможно, боялся застрять, или просто ждал снаружи. Вода прибывала, поднимаясь к колодцу. Громов знал: у него есть не больше десяти минут, прежде чем камера заполнится полностью, и ему придется выныривать через вертикальный лаз.

Он сжал медальон в кармане, нащупал его пальцами. Нужно было выбираться. Он не мог позволить себя убить, пока у него есть эти улики. Он должен вернуться на поверхность, вызвать полицию, арестовать деда. Но сначала — пережить эту ночь.

Громов начал подниматься по колодцу, цепляясь за выступы. Вода толкала его снизу, помогая всплывать. Он чувствовал, как легкие начинают гореть от недостатка кислорода — он уже провел под водой почти пять минут. Но он был водолазом, он мог продержаться дольше. Он считал секунды, как учил Алису, и двигался вверх, метр за метром.

Когда он вынырнул на поверхность в маленькой лагуне, окруженной скалами, он вдохнул полной грудью и закашлялся, выплевывая воду. Он выбрался на камни, содрал маску и огляделся. Никого. Тихон остался в гроте, или решил, что Громов утонул. Громов знал, что это лишь временная передышка.

Он лежал на холодных камнях, сжимая в руке пакет с медальоном, и смотрел на ночное небо, усеянное звездами, которые были такими же холодными, как вода. Он выжил. Но война только начиналась.

Он поднялся, собрал снаряжение и, хромая, побрел к маяку. Надо было отправлять сигнал капитану, звонить в ФСБ, готовиться к штурму. И думать о том, как он расскажет жене, что нашел останки их дочери.

Он шёл, и ветер выл в ушах, заглушая голоса прошлого. Но один голос пробивался сквозь всё — голос Алисы, который шептал: «Спасибо, папа. Ты пришёл».

Громов не ответил. Он только сжал медальон крепче и ускорил шаг.

Глава 5. Медальон

Он не помнил, как добрался до маяка. Ноги несли его автоматически, обходя знакомые камни и корни, продираясь сквозь кусты шиповника, который царапал гидрокостюм и кожу на лице. Вода стекала с него ручьями, смешиваясь с потом и кровью из царапины на плече, где гарпун Тихона лишь чудом не пробил плоть. Адреналин ещё кипел в крови, заставляя сердце биться часто и неровно, но разум уже начинал возвращать контроль, выстраивая факты в холодные логические цепочки.

Он ввалился в дверь маяка, захлопнул её за собой и задвинул тяжёлый металлический засов, который держался на старых, проржавевших петлях, но всё ещё мог выдержать удар. Громов прислонился спиной к двери, закрыл глаза и позволил себе просто дышать. Глубоко, ровно, считая каждый вдох. Один, два, три. Десять. Двадцать. Когда пульс выровнялся, он открыл глаза.

Комната встретила его темнотой и запахом керосина. Он не включал свет — боялся, что его могут заметить снаружи. Вместо этого он прошёл к столу, нашарил старую керосиновую лампу и зажг её, прикрыв пламя ладонью. Тёплый желтоватый свет разогнал тени, но не прогнал тревогу.

Он снял гидрокостюм, в котором уже начала проступать влага, и повесил его на спинку стула. Плечо саднило — на резине остался глубокий порез, но кожа была лишь оцарапана. Повезло. Или, может быть, Тихон целился не убить, а только запугать. Но зачем? Чтобы Громов испугался и убрался из посёлка? Или чтобы дед Коля мог закончить дело лично?

Громов сел за стол, вытащил герметичные пакеты и разложил их перед собой. Медальон Алисы, гарпун с инициалами, образцы воска и волокон, флешки Соболева, фотографии. Он смотрел на эти предметы, и они казались ему частями одного огромного пазла, который начинал складываться в чудовищную картину. Тринадцать жертв, и среди них — его дочь. Дед Коля, который притворялся инвалидом, но по ночам выходил в море, чтобы топить свидетелей. Тихон, его немой прислужник, который охранял сарай и, вероятно, помогал сбрасывать тела. И кто ещё? В посёлке явно были те, кто знал, но молчал. Рыбаки, которые боялись говорить. Местные власти, которые закрывали глаза.

Громов взял медальон в руки, поднёс его к свету. Серебро потемнело от времени и соли, но гравировка была ещё различима: маленькая рыбка с открытым ртом, как будто она пыталась что-то сказать. Он открыл медальон — внутри, под потускневшим стеклом, всё ещё виднелась фотография Алисы. Она улыбалась, но глаза у неё были серьёзные, почти взрослые. Снимок был сделан за несколько недель до её гибели, на день рождения. Громов помнил тот день: она сидела на кухне, задувала свечи на торте, а он стоял с телефоном и щёлкал кадр за кадром. «Пап, прекрати, я уже большая», — говорила она, но улыбалась.

Теперь она не улыбалась. Она лежала на дне грота, без медальона, без жизни. И Громов знал, что виноват в этом не только дед Коля. Он сам. Если бы он тогда, пять лет назад, прислушался к её словам. Если бы он не сказал: «Тебе показалось, Рыбка». Если бы он пошёл проверять номер лодки, а не стал успокаивать её, думая, что это просто детские страхи.

Он сжал медальон в кулаке, чувствуя, как металл впивается в ладонь. Боль была приятной — она напоминала, что он всё ещё жив и способен действовать. Он убрал медальон в нагрудный карман куртки, туда, где билось сердце. Пусть будет рядом. Пусть напоминает ему о цели.

Громов открыл ноутбук, который держал в старом металлическом ящике, защищённом от влаги. Машина загрузилась медленно, с шипением, но заработала. Он подключил спутниковый модем и отправил координаты грота и свои улики капитану на старый флотский адрес. Сообщение было коротким: «Нашёл кладбище. 13 тел. Доказательства. Враг — староста Коля, помощник Тихон. Срочно нужна береговая охрана и следователь по особо важным. Жду».

Он нажал «отправить» и замер, глядя на индикатор передачи. Данные уходили медленно, с перебоями — связь в посёлке была плохой, особенно ночью, когда ветер перебивал сигнал. Но через минуту появилась галочка «доставлено». Громов выдохнул. Теперь оставалось ждать. Капитан обещал действовать быстро, но даже самый быстрый катер из города шёл сюда не меньше шести часов. А утром, с первым светом, сюда могла нагрянуть полиция. Но успеет ли он удержать деда до тех пор?

Громов поднялся, подошёл к окну и осторожно выглянул. Дом деда Коли был тёмный, только тусклый свет горел в окне на первом этаже. Тихон не вернулся? Или ждал его внутри? Громов не мог рисковать и идти туда один, но и ждать тоже было невыносимо. Каждая минута промедления давала врагу время замести следы.

Он снова сел за стол, взял блокнот Соболева и начал перечитывать записи более внимательно, пытаясь уловить детали, которые упустил в прошлый раз. Журналист был дотошным — он записывал всё: даты, погоду, координаты, имена свидетелей, которые что-то видели, но потом замолкали. Громов заметил, что многие из этих свидетелей потом тоже пропадали. Соболев пытался их предупредить, но не успевал. Или они не слушали.

На одной из последних страниц было написано: «Тихон — ключ. Он немой, но он всё видит. Его отец умер при странных обстоятельствах. Возможно, он работает на деда не по своей воле. Надо поговорить с Тихоном без свидетелей». Громов задумался. Тихон был опасен, но, возможно, его можно было перетянуть на свою сторону, если найти слабое место. Он вспомнил, как Тихон стоял у входа в грот с гарпуном — он не пытался убить сразу, только ранить. Может быть, он не хотел убивать? Может быть, он искал способ освободиться?

Громов решил рискнуть. Он не мог ждать помощи, которая придёт неизвестно когда. Если он сможет поговорить с Тихоном, возможно, тот выдаст деда. Но для этого нужно было найти его раньше, чем дед прикажет ему замести следы.

Он надел чёрную куртку, накинул капюшон, сунул нож за пояс и вышел из маяка, не зажигая света. Луна была скрыта тучами, и ночь стояла тёмная, как трюм корабля. Громов пошёл не к дому деда, а в обход, к причалу, где у Тихона была своя будка. Это была маленькая деревянная хибара на сваях, где он жил — вернее, ночевал, когда не дежурил у деда.

Громов подошёл к будке, бесшумно ступая по мокрому песку. Внутри горел тусклый свет — керосиновая лампа. Он прильнул к щели в стене и увидел Тихона, сидящего за столом. Тот не спал — он сидел неподвижно, положив руки на колени, и смотрел в стену. Взгляд у него был пустым, как у человека, который устал бояться.

Громов постучал в дверь тихо, три раза — условный сигнал, который он когда-то использовал с товарищами на флоте. Тихон вздрогнул, медленно повернул голову и уставился на дверь, не двигаясь. Громов постучал снова, затем приоткрыл дверь и шагнул внутрь.

Тихон вскочил, потянулся к гарпуну, стоящему в углу, но Громов поднял руки вверх.

— Я не враг, — сказал он тихо. — Я пришёл поговорить.

Тихон замер, глядя на него с подозрением. Его пальцы всё ещё сжимали древко гарпуна, но он не поднимал оружие. Громов медленно опустил руки.

— Ты знаешь, что я был в гроте. Я видел, что там. Я знаю, что вы делаете с людьми, которых привязывают к якорям. Но я знаю и то, что ты не хочешь этого делать.

Тихон ничего не ответил, но его взгляд дрогнул. Он молчал — не мог говорить, но понимал всё. Громов продолжил:

— Я нашёл медальон моей дочери. Там, внизу. Ты помнишь её? Алису. Девочку, которую убили пять лет назад. Она была не старше четырнадцати.

Тихон закрыл глаза и медленно кивнул. Затем подошёл к столу, взял лист бумаги и корявым почерком написал: «Он заставил меня. Я был мальчишкой. Он убил моего отца и сказал, что убьёт меня, если я не буду помогать».

Громов прочитал, и холод пробежал по спине. Дед Коля не просто убивал — он вербовал своих жертв в помощники, используя страх и угрозы. Тихон стал его рабом, когда был ещё ребёнком. И теперь он не мог уйти, потому что боялся за свою жизнь.

— Я не сделаю тебе больно, — сказал Громов. — Я уже вызвал помощь. Скоро здесь будут полиция и береговая охрана. Но ты можешь помочь мне сейчас. Ты можешь рассказать, где дед хранит доказательства, где он прячет якоря и всё остальное. Если ты поможешь, тебя не посадят, я обещаю.

Тихон посмотрел на него с недоверием. Затем быстро написал: «Ты не сможешь его остановить. Он всегда знает, что происходит. Он уже понял, что ты был в гроте. Он готовится уйти на лодке, пока не поздно. У него есть катер у северной бухты, он прячет его в пещере. Он уйдёт сегодня ночью, до рассвета».

Громов сжал кулаки. Если дед уйдёт, он скроется навсегда, и правда утонет вместе с ним. Нужно действовать немедленно.

— Где сейчас дед? — спросил Громов.

Тихон написал: «У себя в доме. Он собирает вещи. Через час он будет на катере. Если ты пойдёшь туда, он убьёт тебя. У него есть не только гарпун, но и пистолет».

Громов усмехнулся. Пистолет — это проблема, но не смертельная. Он пережил и не такое.

— Спасибо, — сказал он Тихону. — Ты сделал правильный выбор. Оставайся здесь и никуда не выходи. Когда приедет полиция, скажи им правду.

Тихон кивнул, затем написал: «Будь осторожен. Он сильнее, чем кажется».

Громов вышел из будки и направился к дому деда, стараясь держаться теней. Внутри всё кипело, но снаружи он оставался спокойным, как перед погружением. Он считал шаги, планировал маршрут. Дом деда был окружён высоким забором, но Громов знал, где есть слабое место — с задней стороны, у старого вяза, забор прохудился и его можно перелезть.

Он подобрался к забору, перемахнул через него и бесшумно приземлился во дворе. В доме горел свет, из трубы шёл дым — дед всё ещё был здесь. Громов подобрался к окну, заглянул внутрь. Старик сидел на коляске у стола, перед ним лежал разобранный пистолет, который он неторопливо чистил. На столе также стоял чемодан, наполовину забитый вещами и деньгами. Дед был готов к бегству.

Громов вытащил нож и начал осторожно обходить дом к задней двери. Он знал, что нападение должно быть внезапным и быстрым. Нельзя дать старику времени выстрелить.

Но когда он приблизился к двери, та внезапно открылась, и на пороге появился дед Коля. В руках он держал пистолет, нацеленный прямо в лицо Громова.

— Я ждал тебя, Громов, — сказал дед, и голос его звучал спокойно, даже добродушно. — Ты думаешь, я не знал, что ты лазишь в моём сарае, читаешь записки журналиста, плаваешь в моём гроте? Я знаю всё, что происходит в моём посёлке.

Громов замер, но не опустил нож. Он смотрел в глаза старику — в них не было страха, только ледяная уверенность.

— Ты убил мою дочь, — сказал Громов.

— Твоя дочь была свидетелем, — ответил дед, пожимая плечами. — Она видела, как мы сбрасывали тело. Я не хотел её убивать, но правила есть правила. Она рассказала тебе, ты не поверил. Это была твоя ошибка.

— Почему ты не убил меня тогда?

— А зачем? Ты был сломлен. Ты пил, потерял жену, работу. Ты был живым мертвецом, мне не нужен был ещё один труп. Но ты решил воскреснуть. И теперь ты умрёшь по-настоящему.

Дед нажал на спусковой крючок, но Громов уже сместился влево, и пуля пробила пустоту, врезавшись в стену. Он бросился на старика, выбивая пистолет ударом ноги, и они оба рухнули

на пол. Коля оказался сильным — он схватил Громова за горло, сдавливая с нечеловеческой силой. Громов чувствовал, как воздух уходит из лёгких, но он вспомнил флотский приём — он ударил деда коленом в пах, а затем нанёс удар головой в лицо. Хватка ослабла, и Громов откатился, вскочив на ноги.

Они стояли друг напротив друга в комнате, среди разбросанных вещей. Дед вытер кровь с разбитой губы и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Я давно не имел дела с достойным противником.

Он выхватил нож из-за пояса, и Громов тоже поднял свой. Они начали кружить, пока в дверь вдруг не раздался громкий стук. Чей-то голос крикнул: «Открывайте! Береговая охрана!» Дед растерялся на секунду, и этой секунды Громову хватило, чтобы выбить нож из его руки и повалить старика на пол.

Снаружи ломились в дверь, слышались крики и топот. Громов навалился на деда, удерживая его, пока дверь не поддалась, и в дом ворвались вооружённые люди. Капитан сдержал слово — он пришёл с подкреплением, хотя и раньше, чем Громов рассчитывал.

Старика скрутили, надели наручники. Он не сопротивлялся, только смотрел на Громова с ядовитой усмешкой:

— Ты думаешь, это конец? У меня есть люди, которые продолжают дело. Ты просто отложил неизбежное.

Громов стоял, тяжело дыша, и смотрел, как деда уводят. Он хотел ответить, но не нашёл слов. Вместо этого он подошёл к столу, забрал чемодан с деньгами и доказательствами, и вышел во двор. Светало. На горизонте проступала розовая полоска, и море казалось спокойным, как будто ничего не случилось.

Капитан подошёл к нему, хлопнул по плечу:

— Ты как, Громов? Жив?

— Жив, — ответил он, глядя на волны.

Он пошёл к маяку, не оглядываясь. В кармане лежал медальон Алисы, и его тепло согрело грудь. Он знал, что правда выплыла наружу. И что его Рыбка может, наконец, упокоиться с миром.

Но где-то в глубине души он слышал голос деда: «Ты просто отложил неизбежное». И он знал, что это ещё не конец. Но сейчас он мог позволить себе просто дышать.

Глава 6. Список пропавших

Светало медленно, словно небо не решалось показать свою утреннюю наготу. Розовые и сиреневые полосы, пробившись сквозь плотную пелену туч, растеклись по горизонту, делая море похожим на огромный разбитый зеркальный осколок. Громов сидел на крыльце маяка, завернувшись в старый флотский бушлат, и смотрел, как волны снова накатывают на скалы, смывая следы ночной схватки. Он не чувствовал усталости — она ушла, вытесненная чем-то более сильным, чем физическое истощение. Внутри зияла пустота, но пустота эта была удивительно прозрачной, как вода в гроте после того, как оседает ил.

Он провёл рукой по карману куртки, где лежал медальон, и в который раз открыл его, вглядываясь в фотографию Алисы. Она улыбалась ему с потускневшего снимка — ещё живая, ещё полная надежд и планов. Громов закрыл глаза и позволил себе на минуту представить, что всё это был сон. Что он сейчас проснётся у себя в квартире в Калининграде, услышит, как дочь гремит посудой на кухне, и выйдет к ней с вопросом: «Ну что, Рыбка, на завтрак омлет?» Но когда он открывал глаза, перед ним было только море и белая стена маяка.

Внизу, на дороге, послышался гул моторов. Громов привстал, вглядевшись в туман. Из-за поворота показались две машины — чёрный служебный внедорожник с мигалками на крыше и белый микроавтобус с гербом МЧС. Они остановились у причала, и из них начали выгружаться люди в форме. Громов не стал ждать, пока они поднимутся к нему. Он спустился вниз, встретив их у ворот.

Капитан, тот самый, которому он отправил сигнал, шёл первым. Высокий седой мужчина с жёстким взглядом и обветренным лицом — Громов узнал его по голосу, хотя не видел много лет. Капитан Виктор Сергеевич Бойко, бывший командир его отряда, теперь работал в штабе береговой охраны. Он протянул руку, крепко сжал ладонь Громова.

— Здравствуй, Илья. Ты как? Цел?

— Цел, — ответил Громов, — почти.

Бойко окинул его взглядом, заметил царапину на плече, но комментировать не стал. — Следователь уже внизу, осматривает дом деда. Подняли тела из грота. Тринадцать человек, как ты и говорил. И священник свежий. Ты — герой, Илья.

Громов покачал головой. — Я не герой. Я просто отец, который не услышал свою дочь вовремя.

Бойко вздохнул, положил руку ему на плечо. — Всё, что было, не вернуть. Но ты сделал больше, чем любой другой. Теперь правда выйдет наружу.

Они вместе подошли к дому деда, который был оцеплен красной лентой. Возле входа стояла группа следователей в штатском, и один из них, невысокий, с острым лицом и в очках, обернулся, когда Громов приблизился. Это был майор Завьялов, которого Громов видел пару раз по телевизору в новостях о раскрытых преступлениях. Следователь по особо важным делам.

— Громов? — спросил Завьялов, поправляя очки. — Я наслышан о вас. Спасибо за информацию. Мы уже начали допрос деда Коли, он даёт показания, но говорит, что всё делал один.

Громов нахмурился. — Он врёт. У него был помощник — Тихон. Тот работает на него из страха. И я не верю, что дед действовал без ведома местных властей. Кто-то закрывал глаза на пропажи, подписывал протоколы о «несчастных случаях».

Завьялов посмотрел на него внимательно, кивнул. — Мы уже занялись этим. Подняли архивы, сравниваем с показаниями. Но пока есть только слова Тихона, а он — немой. Нам нужны более весомые доказательства.

— В сарае у деда, — сказал Громов, — я видел бочки, верёвки, металлические предметы. И там есть замок, который открывал Тихон. Если вы обыщите сарай, найдёте якоря, цепи, возможно, орудия убийства.

Завьялов отдал приказ своим людям, и группа экспертов направилась к сараю. Громов пошёл с ними, чтобы показать, где хранятся самые важные улики. Сарай был вскрыт болторезом, и когда дверь распахнулась, утренний свет осветил мрачные очертания. Внутри пахло машинным маслом, ржавчиной и какой-то старой, застоявшейся кровью. У стен стояли бочки с соляrkой, на верстаке лежали инструменты — монтировки, ножи, ржавые цепи. В углу Громов заметил несколько якорей разных размеров, сложенных аккуратно, как будто их готовили к отправке. Рядом — катушки с проволокой и технический воск в контейнерах.

Эксперты начали работать, фотографируя и упаковывая вещественные доказательства. Громов отошёл в сторону, наблюдая за ними. Он чувствовал, как напряжение медленно отпускает, но в груди всё ещё засела тяжёлая уверенность, что это не конец. Дед слишком спокойно сдался. Он не кричал, не оправдывался, не пытался сбежать. Он просто улыбнулся и сказал: «Ты просто отложил неизбежное». Это значило, что кто-то продолжит его дело. Или что у него есть рычаги давления на тех, кто должен судить его.

Громов вернулся на маяк и сел за стол, открывая блокнот Соболева в поисках тех, кто мог быть в сговоре с дедом. Он перечитывал записи журналиста, пока не нашёл раздел «Местные чиновники. Связи». Соболев писал: «Староста, дед Коля, связан с начальником порта Сизовым. Сизов подписывает разрешения на ловлю, не глядя. Получает процент от нелегального улова. Возможно, он знает о якорях. И ещё — участковый Соловьёв слишком часто бывает у деда. Что-то здесь не чисто».

Громов нахмурился. Соловьёв, молодой участковый, который пришёл в дом Соболева и говорил о несчастном случае. Он был слишком настойчив, когда предлагал Громову не вмешиваться. Неужели он тоже был в доле?

Громов встал, взял куртку и направился в посёлок. Он шёл быстро, чувствуя, как ледяной ветер пронизывает одежду. Участковый пункт находился на центральной площади, в деревянном здании с вывеской «Полиция». Громов толкнул дверь и зашёл внутрь. Соловьёв сидел за столом, просматривал какие-то бумаги и при виде Громова вздрогнул.

— Громов? Ты что здесь делаешь? — спросил он, и голос его звучал не совсем уверенно.

— Хочу поговорить, — сказал Громов, закрывая за собой дверь. — О деле Соболева. О деде Коле. О том, почему ты не выехал на место, когда я сказал тебе о теле.

Соловьёв побледнел, но быстро взял себя в руки. — Я ждал приказа из района. Не моя компетенция вести расследование убийств. Тем более что тело уже было в воде...

— Ты знал, что он утоплен с якорем? — перебил Громов, делая шаг вперёд. — Ты знал о гроте? Ты знал о тринадцати телах?

Соловьёв встал, заслонился стулом. — Слушай, Громов, я просто местный участковый. Я не имею отношения...

— Твоя машина стояла у дома деда в ту ночь, когда убили Соболева, — сказал Громов, не моргнув глазом. — Я видел твои номера. Я проверял запись камеры с причала.

Это была ложь — никаких камер не было. Но Соловьёв не знал этого, и его лицо пошло красными пятнами. Он опустил глаза, и Громов понял, что попал в точку.

— Послушай, — пробормотал участковый. — Дед Коля... он обещал мне деньги. Много денег. Я просто закрывал глаза на его дела. Я думал, это просто незаконная ловля, браконьерство. Я не знал, что он убивает людей!

— Ты знал, — холодно сказал Громов. — Ты знал, что люди пропадают, и ты ничего не делал. Теперь ты пойдёшь к следователю и всё расскажешь. Иначе я лично разберусь с тобой.

Соловьёв дрожал, но кивнул. Громов вышел из участка и направился обратно к маяку, оставляя за спиной рушащийся мир местных связей. Он понимал, что это только начало.

Теперь предстояло раскрыть всю сеть, все связи, и убедиться, что правда восторжествует до конца.

Он сидел на крыльце, глядя на море, и чувствовал, как внутри нарастает странное чувство — не удовлетворение, не покой, а что-то похожее на начало. Как будто он только разогнался перед прыжком.

В кармане лежал медальон, и Громов сжимал его в пальцах, слушая шум волн. Где-то вдали, за горизонтом, начинался новый день. И Громов знал, что его история с морем только продолжается.

Глава 7. Бухгалтерская книга

Громов не спал уже вторые сутки, но организм, привыкший к лишениям ещё на флоте, работал на автопилоте, не требуя отдыха. Он сидел за столом на маяке, разложив перед собой фотографии с места преступления, копии документов, которые ему передал следователь Завьялов, и свой собственный блокнот, исписанный убористым почерком. Каждая новая деталь, всплывавшая из бумаг, казалась ему звеном одной длинной цепи, которая тянулась в прошлое дальше, чем он мог предположить.

Снаружи ветер стих, и море лежало гладкое, как покрытая тонким льдом поверхность. Громов поднял голову от бумаг и уставился в окно. В такие моменты он особенно остро чувствовал одиночество — не физическое, а то глубинное, когда вокруг тебя толпа, но никто не видит того, что видишь ты. Он видел картину целиком, но убедить других в её реальности было сложнее, чем найти доказательства.

Телефон на столе завибрировал. Громов снял трубку и услышал голос капитана Бойко: — Илья, у нас проблемы. Дед Коля в камере предварительного заключения, даёт показания, но адвокат уже подал ходатайство о его освобождении под подписку о невыезде. Говорят, здоровье плохое, инвалид, не может передвигаться. И суд, скорее всего, удовлетворит.

Громов сжал трубку. — Он не инвалид. Я видел, как он ходит. Он притворяется.

— Я знаю, но экспертиза пока не проведена. А у него связи в районе. Адвокат — бывший прокурор, знакомый с судьями. Нам нужно что-то ещё, чтобы держать его за решёткой. Желательно — улики, которые прямо указывают на его причастность к убийствам, а не просто к браконьерству.

Громов задумался. — У меня есть медальон дочери, найденный в гроте. Это прямое доказательство, что она была там. И гарпун с его инициалами. Но этого может быть мало. Нужно найти что-то, что свяжет его с конкретными убийствами в хронологическом порядке.

— Я знаю, — вздохнул Бойко. — Но пока процесс идёт медленно. Эксперты работают, но потребуются недели. Если деда выпустят, он сбежит или уничтожит остальные улики.

Громов положил трубку и задумался. Он не мог ждать недели. Он должен был найти что-то ещё, что-то, что не оставит деду шансов на оправдание. Он перебрал в памяти всё, что видел в доме деда, в его сарае, в гроте. И вдруг его осенило: дед вёл бухгалтерскую книгу. Скорее всего, у него был учёт «доходов» и «расходов», связанных с его криминальным бизнесом. Если в книге указаны имена жертв, даты и суммы, это станет неопровержимым доказательством.

Громов встал и решил ехать к следователю, чтобы запросить доступ к вещам деда, изъятым при обыске. Он знал, что Завьялов, скорее всего, откажет, но был готов настаивать.

Через час он уже сидел в кабинете майора Завьялова в районном отделе полиции, куда его вызвали для дачи показаний. Завьялов выслушал его просьбу, снял очки и устало потёр переносицу.

— Громов, я понимаю твои чувства. Но бухгалтерская книга — это вещественное доказательство. Мы работаем с ней. У нас есть эксперты-экономисты, которые анализируют записи. Но это процесс не быстрый.

— Я могу помочь, — сказал Громов. — Я служил на флоте, разбирался в документации. Дай мне взглянуть на книгу, может быть, я увижу то, что эксперты упускают.

Завьялов колебался, но, посмотрев в глаза Громову, сдался. — Ладно. Но только в моём присутствии, и ты ничего не забираешь.

Он провёл Громова в кабинет, где хранились изъятые вещи, и вытащил старую, потрёпанную тетрадь в кожаной обложке. Громов взял её в руки, почувствовав запах старой бумаги и чернил. Он открыл первую страницу. Там было написано: «Расходы и доходы. 2005–2025». Дед вёл учёт более двадцати лет.

Громов начал просматривать записи. Вначале шли обычные хозяйственные отметки — покупка сетей, солярки, ремонт лодок. Но ближе к середине тетради появились другие записи, сделанные другим почерком, более мелким и нервным. «Соболев Е. — 50000 р. (за молчание)». Рядом стояла дата — за месяц до гибели журналиста. И приписка: «не заплатил, отказ». Дальше: «Павел (священник) — 30000 р. (за услугу), не заплатил». И ниже: «девочка Громова — 0 (свидетель, устранена)».

Громов замер. Он перечитал строку о своей дочери несколько раз, чувствуя, как холод пробегает по коже. Дед не просто записал её имя — он отметил её как «устранённую». Это было доказательством, которое не оставляло сомнений. Он перевернул несколько страниц и нашёл список имён: все тринадцать жертв, включая священника и Соболева, и напротив каждого — сумма, которую они «задолжали» или за которую их «устранили».

Громов поднял глаза на Завьялова. — Вот, — сказал он, указывая на запись. — Это прямое доказательство. Он вёл учёт убитых. Здесь имена, даты, суммы. Он признавал их как устранённых.

Завьялов подошёл, внимательно прочитал, и на его лице появилось выражение холодной решимости. — Это меняет всё. Теперь мы можем предъявить ему обвинение в организации убийств. Эта книга — ключевая улика.

Громов закрыл тетрадь и вернул её следователю. — Теперь дед не выйдет. Сделайте всё, чтобы он сидел до суда.

Завьялов кивнул. — Обещаю. Но Громов, я должен предупредить: дед Коля не был главным. Его записи содержат ссылки на «старших». Посмотри на последнюю страницу.

Громов снова открыл книгу, перелистнул до конца. На последней странице было написано: «Отчёт для тех, кто сверху. За 2024 год — все контракты выполнены. Жду дальнейших указаний. К.С.». Сверху стояло несколько инициалов — «А.П.», «В.М.», «С.З.». Это были не местные имена.

Громов нахмурился. — Кто эти люди?

Завьялов развёл руками. — Мы пытаемся установить личности. Но это, возможно, за пределами нашей компетенции. Мне кажется, что дед Коля был лишь исполнителем в цепочке. Кто-то стоял над ним, кто-то заказывал убийства, возможно, даже вышестоящие чиновники или криминальные структуры.

Громов сжал кулаки. Значит, дед был не главным. За ним стояли другие, которые использовали его как инструмент. И, возможно, именно они продолжали угрожать посёлку.

— Я хочу встретиться с дедом, — сказал Громов. — Поговорить с ним. Возможно, он раскроет имена, если я его правильно надавлю.

Завьялов покачал головой. — Допросы ведёт следствие. У нас есть специалисты. Ты не можешь участвовать в этом, Громов.

— Я понимаю, — сказал Громов. — Но я знаю его психологию. Я видел его глаза. Если я скажу ему, что нашёл медальон дочери, он может сломаться. Дайте мне пять минут. Всего пять.

Завьялов посмотрел на него долгим взглядом и, наконец, кивнул. — Ладно. Пять минут. И я буду в соседней комнате наблюдать через стекло.

Громов подошёл к камере, где сидел дед Коля. Старик выглядел старше, чем обычно — без своей коляски, прикованный к стулу, он казался маленьким и беззащитным. Но глаза его по-прежнему горели холодным огнём. Увидев Громова, он усмехнулся.

— А, Громов. Пришёл посмотреть на своего пленника? — голос его был сух и спокоен.

Громов сел, напротив, за столом. — Я нашёл твою книгу. Там всё записано. Соболев, священник, моя дочь. Ты убил их.

Дед пожал плечами. — И что? В книге записаны только расходы на содержание лодок. Это не доказательство.

— Там приписка: «устранена», — сказал Громов, глядя ему в глаза. — Ты сам написал.

На мгновение лицо деда дрогнуло, но он быстро взял себя в руки. — Я не знаю, о чём ты говоришь. Тебя подставили.

Громов вытащил медальон Алисы и положил на стол перед дедом. — Узнаёшь? Это медальон моей дочери. Я нашёл его в гроте. Ты сорвал его с её шеи, когда топил её. Или Тихон. Но ты — главный.

Дед уставился на медальон, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на удивление. Но затем он снова улыбнулся, обнажив жёлтые зубы.

— Забавно, — сказал он. — Твоя дочь была храброй девочкой. Она не плакала. Даже когда я заливал ей уши воском. Она смотрела на меня и говорила: «Мой папа придёт за мной». Я думал, она глупа. Но она оказалась права. Ты пришёл. Поздно, но пришёл.

Громов сжал кулаки под столом, но не позволил себе ударить. Он знал, что именно этого дед и ждёт.

— Кто стоит над тобой? — спросил он ровным голосом. — Кто те, кто заказывал убийства?

Дед засмеялся. — Ты думаешь, я работал один? Нет, Громов. Ты уничтожил лишь шестерёнку в большом механизме. Там, наверху, сидят люди, которые не позволят тебе докопаться до них. Они убьют тебя, как убили твою дочь. Или заставят замолчать, как журналиста. Ты играешь в игру, которую не выиграешь.

Громов встал, забрал медальон и вышел из камеры. За дверью его ждал Завьялов, который записывал разговор.

— Он назвал имена? — спросил следователь.

— Нет, — ответил Громов. — Но он знает, что я на правильном пути. Это всё, что мне нужно. Он боится. Значит, те, кто стоит над ним, реальны. И я найду их.

Вернувшись на маяк, Громов сел за стол и начал перебирать документы деда, которые Завьялов разрешил сфотографировать. Он искал любые упоминания о «старших». И на одной из страниц, почти в самом конце, он нашёл нацарапанный карандашом номер телефона и пометку: «А.П. — координатор». Он набрал номер, но трубка не ответила. Зато через минуту ему пришло эсэмэс: «Ты сделал глупость, Громов. Мы наблюдаем за тобой. Не суйся в это дело. Иначе ты разделишь судьбу своей дочери».

Громов сжал телефон, но не испугался. Теперь он знал, что его враги не только в посёлке. За ними стояла более крупная организация, и они были близко. Он должен был быть готов к тому, что они попытаются его остановить.

Он посмотрел на море, где начинался новый день. И впервые за долгое время он почувствовал не страх, а вызов. Он был готов идти до конца, даже если это стоило ему жизни. Ведь он уже потерял самое дорогое, и теперь терять было нечего.

Громов закрыл глаза, сжимая медальон в ладони, и прошептал: «Я не остановлюсь, Рыбка. Я доберусь до них всех».

Глава 8. Шеф

Ночь не принесла покоя. Громов сидел в кресле у окна, сжимая в ладони телефон, и смотрел, как тучи медленно наползают на луну, превращая море в бесконечное чёрное зеркало. Угрожающее сообщение от "А.П." всё ещё горело на экране, и Громов перечитывал его снова и снова, пытаясь уловить в сухих буквах хоть какую-то зацепку, которая указала бы на личность отправителя. "Ты сделал глупость. Мы наблюдаем за тобой. Не суйся в это дело. Иначе ты разделишь судьбу своей дочери."

Он не испугался. Он уже перешагнул черту страха там, в гроте, когда вода начала заполнять лёгкие, а в руке был только нож против гарпуна. Но он злился. Злился на эту невидимую силу, которая управляла дедом Колей, которая заказывала убийства и, судя по всему, имела влияние далеко за пределами Заветного. Злился на себя за то, что не может разорвать этот клубок немедленно.

Он поднялся, подошёл к столу и разложил перед собой все документы, которые успел скопировать из дела деда. Бухгалтерская книга, список жертв, нацарапанный карандашом номер телефона А.П. и несколько фотографий, изъятых из сарая. Среди них была одна, которая привлекла его внимание ещё вчера, но он не придавал ей значения. На ней был изображён человек в дорогом костюме, стоящий на фоне белого катера, и рядом с ним — дед Коля, но без коляски, в полный рост, держащий в руках какой-то документ. Лицо человека в костюме было смазано, будто фотограф специально размыл его, но на обороте стояла надпись: "Совещание, 2018 год. А.П."

Громов взял лупу и приблизил снимок к свету керосиновой лампы. Человек был высоким, седым, с орлиным носом и тонкими губами. Он выглядел как чиновник — дорогой пиджак, наглаженные брюки, кожаные туфли, блестящие даже на старом снимке. Громов перевернул фотографию и прочитал надпись ещё раз, теперь вслух: "Совещание, 2018 год. А.П."

2018 год. Тот самый год, когда погибла Алиса. Совещание, на котором дед Коля встречался с этим человеком. Если это был координатор, то он имел отношение к убийствам. И он был жив до сих пор, угрожал Громову, продолжал свою деятельность.

Громов положил фотографию в отдельный конверт и спрятал во внутренний карман куртки. Он понял, что должен найти этого человека, чего бы это ни стоило. Но для начала нужно было узнать, кто он и где его искать. Он взял телефон и набрал номер капитана Бойко, надеясь, что тот ещё не спит.

Капитан ответил после третьего гудка, голос его звучал сонно и недовольно.

— Илья? Ты знаешь, который час?

— Знаю. Извини, но это важно. У меня есть фотография с человеком, который, возможно, стоит над дедом Колей. "А.П." Я хочу, чтобы ты проверил его по базам.

Бойко вздохнул, но в голосе появилась заинтересованность. — Приезжай завтра в управление, привези снимок. У нас есть доступ к системе распознавания лиц. Может быть, что-то найдём.

— Я приеду, — сказал Громов и положил трубку.

Он знал, что не сможет заснуть до утра. Слишком много мыслей роилось в голове, слишком много вопросов требовало ответов. Он вышел на крыльцо, вдохнул холодный солёный воздух и посмотрел на посёлок, утопающий в ночной темноте. Где-то там, за закрытыми ставнями, спали люди, которые, возможно, знали больше, чем говорили. Люди, которые видели, как дед Коля выходил в море по ночам, но молчали. Которые слышали крики и звуки моторов, но делали вид, что ничего не происходит.

Он подумал о Тихоне, который провёл всю ночь в камере, давая показания через сурдопереводчика. Тихон был ключом к пониманию того, как работал механизм деда. Но даже он

не знал, кто стоит за всем этим. "Он никогда не говорил мне имён, — написал Тихон на листе бумаги. — Только говорил, что есть "старшие", и если я попытаюсь их найти, они убьют меня и мою семью".

Громов вернулся в комнату и сел за стол, начав составлять список тех, кто мог быть "старшим". Он вспомнил, что Соболев писал о связях деда с начальником порта Сизовым. Может быть, Сизов был одним из звеньев этой цепи? Он записал имя Сизова в блокнот, затем добавил несколько других фамилий из записей журналиста — местный депутат, владелец рыбоперерабатывающего завода, глава администрации района. Все они имели влияние на жизнь посёлка и все могли быть причастны к делам деда.

Но особое внимание он уделил начальнику порта Сизову. Сизов был тем человеком, который подписывал разрешения на ловлю. Который закрывал глаза на браконьерство, который, возможно, получал процент от нелегальных доходов деда. Если он был в доле, то, вероятно, знал и об убийствах. А значит, мог знать и об "А.П."

Громов решил, что навестит Сизова завтра, до поездки в управление. Он хотел поговорить с ним без свидетелей, проверить реакцию, понять, замешан ли он.

Он вышел из маяка уже в предрассветных сумерках, когда небо начинало сереть, а море отливало свинцом. Посёлок просыпался — где-то залаяла собака, хлопнула дверь, послышался голос женщины, зовущей детей. Громов прошёл к порту, где стоял дом Сизова — двухэтажный особняк с панорамными окнами и дорогой машиной у ворот. Контраст с деревянными хибарами рыбаков был разительным.

Он постучал в дверь. Через минуту ему открыл сам Сизов — полный мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и заплаканными глазами, в халате и тапках. Он уставился на Громова с явным раздражением.

— Ты кто такой? — спросил он хриплым голосом. — Чего надо в такую рань?

— Я Громов, смотритель маяка. Хочу поговорить о делах вашего друга, деда Коли.

Сизов побледнел, но быстро взял себя в руки. — Я ничего не знаю о его делах. Он браконьерствовал, вот и всё. Я уже дал показания следователю.

— Вы дали показания, что не знали о его убийствах? — спокойно спросил Громов, не сводя с него глаз. — А как же бухгалтерская книга, где ваше имя упоминается несколько раз? И записи о передаче денег?

Сизов отшатнулся, схватился за дверной косяк. — Это клевета! Я ничего не брал! Он меня шантажировал! Грозил, что убьёт мою семью, если я не буду давать ему разрешения!

— Тогда почему вы не пошли в полицию? — Громов сделал шаг вперёд. — Почему молчали пять лет, пока он убивал людей?

Сизов начал дрожать, его лицо покрылось потом. — Я боялся. Он говорил, что у него связи, что он может уничтожить меня одним словом. Я думал, если буду молчать, он не тронет мою семью.

— Кто его связи? — спросил Громов, чувствуя, что Сизов готов расколоться. — Кто стоит над ним?

Сизов оглянулся по сторонам, как будто боялся, что его могут услышать, и прошептал: — Я не знаю имён. Он никогда не называл их. Но я видел одного человека, который приезжал к нему на белом катере. Он был из города, чиновник, кажется. У него был значок, похожий на государственный. Он носил дорогие часы и говорил с дедом о "контрактах".

Громов вытащил фотографию из кармана и показал Сизову. — Это он?

Сизов взгляделся в снимок, и его лицо вытянулось. — Да. Это он. Я помню его нос, этот профиль. Он приезжал два или три раза за год. Всегда без предупреждения. Дед звал его "шеф".

Громов убрал фотографию. — Спасибо. Если вы что-то ещё вспомните, позвоните мне. И не вздумайте предупредить его — иначе я лично прослежу, чтобы ваши доходы стали достоянием общественности.

Он развернулся и пошёл прочь, чувствуя, как внутри разгорается надежда. Теперь у него было имя, лицо и подтверждение связи. Оставалось только найти этого человека.

Он сел в старый "уазик", который оставил у маяка, и поехал в город, в управление береговой охраны, чтобы встретиться с капитаном Бойко. Дорога была долгой и ухабистой, но он почти не замечал тряски, прокручивая в голове разговор с Сизовым и планируя, что скажет Бойко.

В управлении его встретил Бойко, который уже сидел за столом с открытым ноутбуком. Громов передал ему фотографию, и капитан отсканировал её, загрузив в систему распознавания лиц.

— Подожди минут десять, программа сравнит с базой государственных служащих, — сказал Бойко, наливая себе кофе. — Ты как, в порядке? Выглядишь уставшим.

— Я в порядке, — ответил Громов, садясь напротив. — Я разговаривал с начальником порта Сизовым. Он подтвердил, что видел этого человека. Называл его "шеф".

Бойко нахмурился. — Это серьёзно. Если это чиновник высокого ранга, то дело может выйти на федеральный уровень. Мы должны быть осторожны.

Система проработала около десяти минут, а затем на экране появился результат. Бойко повернул ноутбук к Громову. — Вот. Совпадение девяносто семь процентов. Человек на фото — Аркадий Петрович Гущин, бывший заместитель министра по рыболовству. Уволен в 2019 году после скандала с хищениями, но дело замяли. Сейчас он директор крупной рыбопромышленной компании, базируется в Мурманске. У него есть бизнес-интересы по всему северному побережью.

Громов взгляделся в экран. Аркадий Петрович Гущин — седой, с орлиным носом и тонкими губами, именно тот, кто был на фотографии. Он чувствовал, как холодный пот выступает на спине — человек, который стоял за убийством его дочери, оказался не просто бандитом, а высокопоставленным экс-чиновником с огромными связями.

— Как нам его достать? — спросил Громов.

Бойко покачал головой. — Сложно. У него есть адвокаты, деньги, влияние. Если мы просто придём с обвинениями, он уничтожит все улики и скажет, что дед Коля оговаривает его. Нам нужно больше доказательств.

Громов сжал кулаки. — У нас есть бухгалтерская книга, где он упоминается в зашифрованном виде. Есть показания Сизова. И есть грот с тринадцатью телами. Этого должно быть достаточно.

— Юридически — да, — сказал Бойко. — Но для ареста такого человека нужно разрешение сверху. А он, скорее всего, уже знает, что мы на него вышли.

Громов встал. — Тогда я поеду в Мурманск сам. Я найду его, встречу с ним лицом к лицу. Может быть, он совершит ошибку.

Бойко посмотрел на него с беспокойством. — Илья, ты не полицейский. Ты можешь убить его или он убьёт тебя. Давай подождём, пока соберём полную доказательную базу.

— Я больше не могу ждать, — сказал Громов. — Я ждал пять лет. Я ждал, пока мой мир рухнет. Теперь я хочу увидеть его глаза, когда он поймёт, что проиграл.

Он вышел из управления, сел в машину и поехал обратно в Заветный. По пути он обдумывал план. Он знал, что Мурманск — большой город, но у него было имя и адрес компании. Он найдёт Гущина, даже если для этого придётся пройти через ад.

Приехав на маяк, он начал собирать вещи — минимум, но с собой взял все улики, фотографии, копии документов. Он оставил записку для Тихона, прося его не болтать лишнего и ждать новостей. И перед отъездом он ещё раз посмотрел на море, которое теперь казалось ему не врагом, а союзником. Оно хранило тайны, но оно же и помогло ему их раскрыть.

Громов сел в машину, включил двигатель и отправился в путь. Впереди была долгая дорога и неизвестность. Но внутри него горел свет — тот самый свет, который зажгла Алиса пять лет назад и который он, наконец, позволил себе увидеть.

Глава 9. Контейнеры

Дорога до Мурманска заняла почти восемь часов. Громов не останавливался, только дважды заправлялся и пил чёрный кофе из термоса, который захватил с собой. За окнами «уазика» мелькали однообразные пейзажи: сосны, сменяющиеся берёзами, редкие деревушки с покосившимися домами и бесконечное серое небо, которое, казалось, давило на землю всей своей тяжестью. Он не чувствовал усталости — она отступила куда-то на задний план, уступив место холодной, ледяной сосредоточенности. Он знал, что едет на войну, и впервые за долгие годы был к этому готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.